

АЛЕКСЕЙ КРУГЛОВ*

О ПОНЯТИИ КРИТИКИ И О КРИТИЧЕСКОМ МЕТОДЕ У КАНТА**

Получено: 24.11.2022. Рецензировано: 13.03.2023. Принято: 06.04.2023.

Аннотация: После абриса предыстории кантовского понятия критики и выявления наиболее распространенных значений критики на примере сочинений Ж. Леклерка, И. Г. Вальха, И. Кр. Готшеда и Ж.-Ф. Мармонтеля дана краткая характеристика наиболее самобытных черт кантовского понятия критики, максимально приближенная к кантовским оригинальным произведениям, опубликованным после 1781 года. Своеобразие кантовского зрелого понятия критики состоит в ее направленности на самую познавательную способность, в сравнении ее действия с судебным процессом, в акцентировании отсутствия на ее пути каких-либо преград, включая сферу религии, права и морали, в связи с требованием свободы мысли и свободы слова и в описании собственной эпохи как века критики. Наряду с общей характеристикой кантовской критики в целом показан также специфический метафизический смысл критики, согласно которому она представляет собой срединный путь между догматизмом и скептицизмом. Отталкиваясь от метафизического смысла критики, автор определяет кантовское понятие критического метода, направленного на преодоление догматизма и скептицизма путем обнаружения общих свойственных им обоим и объединяющих их друг с другом заблуждений. Непонимание и забвение кантовских новаций в развитии критики демонстрируется на примере популярного ныне так называемого «критического мышления», нашедшего определенное применение в российском образовательном процессе. Указанное «критическое мышление» ведет свою родословную от Дж. Дьюи и почти полностью игнорирует кантовские достижения.

Ключевые слова: Кант, критика, критицизм, критический метод, скептицизм, догматизм, критическое мышление.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-2-225-260.

Несмотря на то что Кант не был изобретателем слова «критика» и был далеко не единственным мыслителем в Новое время, активно его употреблявшим, в широком современном восприятии, основанном хоть на каком-то достойном упоминании знания философии, само это понятие словно приклеилось к кенигсбергскому философу, а тройка его трактатов со звучным понятием «критика» в заглавии — «Критика

*Круглов Алексей Николаевич, д. филос. н., профессор, зав. кафедрой истории зарубежной философии; Российский государственный гуманитарный университет (Москва), akrouglov@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1152-1309.

**© Круглов, А. Н. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

чистого разума», «Критика практического разума» и «Критика способности суждения» — породила целую череду подражаний и эпигонства, дрящущую и по сей день.

И хотя то обстоятельство, что ныне критика у многих неразрывно связывается с Кантом, вовсе не случайно, а сама эта связь весьма справедлива, в далекой исторической перспективе он, похоже, потерпел поражение, поскольку на его счет относят какие угодно толкования критики, в то время как его собственное оригинальное понимание оказалось во многом непонятым, непринятым, проигнорированным и забытым. Броская фраза осталась, а то, ради чего она затевалась, ушло в тень.

Судя по неоднократным ссылкам у немецких авторов первой половины XVIII века, одним из классических авторов, определивших доминирующее значение критики в докантовском восприятии¹, был проживавший в Голландии женеvский теолог и филолог Жан Леклерк (1657–1736) — автор трехтомного «Искусства критики». В этом произведении Леклерк дал такую дефиницию «искусству критики, или толкованию древних писателей»: ею называется искусство понимания древних писателей независимо от того, ограничиваются ли они цифрами или используют речь, пишут в стихах или в прозе, и «выяснения того, что представляют собой их подлинные писания, а какие являются испорченными» (Clericus, 1697: 1). Герменевтический характер критики особо подчеркивается фронтисписом к первому тому этого трактата, изображающим Гермеса с кадуцеем, помогающим в толковании древних рукописей. Как раз это значение и легло в основу соответствующей статьи «Критика» в «Философском лексиконе» Иоганна Георга Вальха (1693–1775):

Новыми писателями это слово использовалось в широком и узком смысле. В широком смысле оно означает как основательное познание некоего языка, так и науку улучшения испорченных мест некоего писателя. [...] В узком и собственном смысле под критикой понимают науку улучшения испорченных мест писателя и искоренения в книгах включенных в них глосс (Walch, 1726: 462–463).

В сочинении «Набросок всеобщей учености и благоразумия в обучении» Вальх даже посвятил этой теме специальную главу под названием «О критике» (Walch, 1718: 98–104). Произведения других немецких философов того времени, релевантных для философского становления

¹См. на эту тему подробнее следующие исследования: Tonelli, 1978: 119–148; Jaumann, 1995.

Канта — для примера можно указать на Н. И. Гундлинга, Хр. Вольфа или Г. Ф. Майера, — подтверждают это преимущественно филологическое понимание критики, применяемое также в теологии и в истории, бытующее и по сей день и знакомое даже философским авторам, использующим критические собрания сочинений своих предшественников.

Справедливости ради стоит отметить, что наряду с этим доминирующим значением словосочетание «искусство критики» изредка применялось в середине XVIII века и в другом смысле, а именно в названиях логических трактатов «по руководству ума», написанных некоторыми католическими авторами (итальянским священником А. Дженовези, баварским францисканцем Г. Остерридером, португальским иезуитом И. Монтейро (см., например: Genovesi, 1759; Osterrieder, 1760; Monteiro, 1768)), однако выявить специфическое значение критики в них довольно затруднительно, да и сама эта традиция не была влиятельной и оказалась надолго забытой до того момента, как в конце XX века на нее не обратил внимание итальянский кантовед Дж. Тонелли (см. Tonelli, 1975: 190). Мог ли что-либо об этой логической традиции знать Кант — этот вопрос остается открытым, хотя до сих пор никаких данных, подтверждающих, что Кант был знаком с этими произведениями, так и не было найдено. В докантовский и кантовский период было в ходу и еще одно — привычное нам сегодня — значение критики, а именно критика как (рецензионная) оценка литературных произведений или же произведений искусства. В этой связи стоит упомянуть имя Иоганна Кристофа Готшеда (1700–1766), выступившего в Германии популяризатором «Исторического и критического словаря» П. Бейля и написавшего собственный «Опыт критического искусства поэзии» (Gottsched, 1751; см. об этом Scholz, 2014: 32). Правда, и это, казалось бы, иное значение критики вновь возвращает нас к Леклерку. В статье под названием «Критики, художественные судьи»² «Настольного лексикона или краткого словаря изящных наук и свободных искусств» Готшед замечает:

[Они] — ученые, которые прилежны в точном знании свободных искусств, — проникли в их самые таинственные правила и потому в состоянии отличать хорошее от плохого, правильное от ложного, каким бы иллюзорным это ни казалось, а также судить о них. Их труд состоит, следовательно, в правильном

²У кантовского «автора» Майера имелось специальное произведение на эту тему: Meier, 1745. Критик как «судья» в данном случае может рассматриваться как еще один источник видоизмененного понимания Кантом критики как суда.

объяснении древних писателей, улучшении и восстановлении испорченных мест (Gottsched, 1760: 461).

В целом следует этому толкованию и французская «Энциклопедия». В 1754 году Жан-Франсуа Мармонтель (1739–1799) в энциклопедической статье «Критика» рассматривал таковую в отношении литературы и науки. По первому вопросу он отметил:

Критику можно рассматривать с двух точек зрения. С одной стороны, это вид исследования, которому мы обязаны возрождением древней литературы. Достаточно представить себе хаос, в котором первые исследователи нашли самые драгоценные античные труды, чтобы судить о важности этой работы. Переписчики содействовали хаосу своими почерками, порчей, изменениями, пропусками или вставками в рукописи отдельных слов и отрывков, авторы — намеками, эллипсами, метафорами и вообще всякими языковыми и стилистическими тонкостями, рассчитанными на не вполне знающего читателя. Как разобратся в этой путанице в наше время, когда бег столетий и перемены в нравах отрезали, казалось бы, все пути для познания прежних идей? (Философия в Энциклопедии..., 1994: 324–325)

Во втором значении критика рассматривается «как научное исследование и справедливое суждение о произведениях людей» (там же: 325), при этом в науке Мармонтель выделял «три задачи: доказательство прежних истин, установление порядка в их изложении, открытие новых истин» (там же: 326).

Хотя Кант и употребляет понятие критики еще в так называемый «докритический»³ период⁴, его собственное оригинальное понимание критики сложилось лишь в «Критике чистого разума». Это, впрочем, не означает того, что Кант не употреблял это понятие в смысле своих предшественников и современников. Более того, скорее правильное было бы говорить о нескольких значениях критики, присутствующих на страницах кантовских сочинений, да и вряд ли можно было бы ожидать унифицированного единообразия в отношении термина, встречающегося в письменном наследии Канта более тысячи раз. Даже само его написание уже разнится: латинское «critica» соседствует со старым и новым немецким написанием «Critic», «Critick», «Critik» и «Kritik».

³По меньшей мере уже в словарной статье о Канте 1827 года его наследника на кафедре Альбертины Вильгельма Трауготта Круга (1770–1842) встречается различие «докритического» и «критического» периодов (см. Krug, 1827: 499).

⁴Правда, в этой связи можно назвать лишь две работы (Кант, Фохт, 1994а: 247; Кант, Фохт, 1994е: 198–199).

Ниже я постараюсь сконцентрировать внимание — в максимальном приближении к оригинальным текстам — на том новом значении критики, которое и составляет суть зрелой кантовской философии, охарактеризовав наиболее примечательные и выдающиеся аспекты такого кантовского понимания критики, а также показав их связь с критическим методом.

1. ОРИГИНАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ КРИТИКИ У КАНТА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Во времена Канта были распространены сочинения и издания под названиями «Журнал немецкой критики», «Внепартийная критика новейших юридических сочинений» и пр. Но первое, что отличает кантовскую критику от альтернативных пониманий, так это то, что она *направлена не на другие книги и системы, а на саму познавательную способность*, и эта мысль звучит лейтмотивом в критический период. В первом издании «Критики чистого разума» (1781) Кант заявляет в этой связи:

Я разумею под этим не критику книг и систем, а критику способности разума вообще в отношении всех познаний, к которым он может стремиться *независимо от всякого опыта*, стало быть, решение вопроса о возможности или невозможности метафизики вообще и определение источников, а также объема и границ метафизики, и все это на основании принципов (Кант, 1781: А XII; Кант, Лосский и др., 2006: 15).

В «Пролегоменах» (1783) Кант подчеркивает смысл критических сочинений тем, что они критические «по отношению не к другим сочинениям, а к самому разуму» (Кант, 1911: 378; Кант, Соловьев и др., 1994d: 146). Во втором издании «Критики чистого разума» (1787), из которого Кант выбросил процитированное выше предисловие к первому изданию, он переформулировал встречавшуюся там мысль следующим образом:

Еще менее следует ожидать здесь критики книг и систем чистого разума; здесь дается только критика самой способности чистого разума. Только основываясь на этой критике, можно получить надежный критерий для оценки философского содержания старых и новых сочинений по этому предмету; в противном случае некомпетентный историк или судья рассматривает ни на чем не основанные утверждения других, исходя из своих собственных в такой же мере необоснованных утверждений (Кант, 1787: В 27; Кант, Лосский и др., 2006: 81).

В этом смысле оппоненты, нацеленные на опровержение кантовской критической философии, имея все законные основания для выражения собственных несогласий и возражений, попросту искажают весь замысел Канта в том случае, если свои полемические сочинения именуют «Критикой критики чистого разума» (см., например, Никанор, 1888).

Главный предмет критики — сам разум, сама познавательная способность:

Критика разума вносит в этот мрак факел, но освещает не неизвестные нам области по ту сторону чувственного мира, а затемненное пространство нашего собственного рассудка (Kant, 1928b: 93; Кант, Васильев и др., 2000: 91).

С отказом в нацеленности критики на книги и системы связана и особенно странно звучащая ныне, во времена фетишизации наукометрии, кантовская мысль о цитировании: «В наброске системы трансцендентальной философии ссылка на книги столь же необязательна, как и в геометрии» (Kant, 1928a: 41; Кант, Васильев и др., 2000: 80). Это не есть ни проповедь плагиата, ни выражение презрительного отношения к современникам и предшественникам, а прямое следствие понимания критики как критики самой познавательной способности и поиска истины общечеловеческим разумом.

Вторая особенность кантовского понимания критики состоит в том, что ее *нацеленность на саму познавательную способность, на самопознание разума трактуется как некий судебный процесс*. Сам век, по мысли Канта,

требует от разума, чтобы он вновь взялся за самое трудное из своих занятий — за самопознание — и учредил бы суд, который бы подтвердил справедливые требования разума, а с другой стороны, был бы в состоянии устранить все неосновательные притязания — и не через приказания, а опираясь на вечные и неизменные законы самого разума. Такой суд есть не что иное, как *критика самого чистого разума* (Kant, 1781: A XI–XII; Кант, Лосский и др., 2006: 15).

Можно вслед за Х. Файхингером попытаться восстановить всю картину этого необычного судебного заседания: суд, судья — критический разум, законодательный кодекс для принятия решения — установленные самим разумом законы познания, спорящие стороны — догматики и скептики, предмет спора — притязания разума на трансцендентное познание, свидетельства, документы, доказательства — те или иные показания трансцендентного разума, приговор — выводы из трансцендентальной диалектики, а материалы дела — сама «Критика чистого разума» (Vaihinger, 1881: 107–115; см. также о «Критике чистого разума» как о суде

Brandt, 2007: 271–350) — или же отказаться от подобных попыток детализации метафоры судебного разбирательства. Главное в любом случае останется неизменным: разум судит свои собственные притязания по своим собственным законам, и в этом состоит критика разума.

На пути подобной критики не должно быть *никаких заслонов и преград, включая сферу религии, права и морали*, и это третья особенность кантовского понимания критики:

Во всех своих начинаниях разум должен подвергать себя критике и никакими запретами не может нарушать ее свободы, не нанося ущерба самому себе и не навлекая на себя вредных подозрений. Здесь нет ничего столь важного по своей полезности и столь священного, что имело бы право уклоняться от этого испытующего и ревизирующего исследования, не признающего никаких авторитетов. На этой свободе основывается само существование разума, не имеющего никакой диктаторской власти, и его приговоры всегда есть не что иное, как согласие свободных граждан, каждый из которых должен иметь возможность выражать свои сомнения и даже без стеснения налагать свое *veto* (Kant, 1787: В 766–767/А 738–739; Кант, Лосский и др., 2006: 2.1, 935).

Более того, мысль Канта можно прояснить и таким образом, что священное не просто не должно уклоняться от критики, но только и может существовать в качестве подлинно священного, лишь пройдя проверку этой критики. В противном случае можно будет говорить только о временной победе условно священного:

Без критики разум находится как бы в естественном состоянии и может отстоять свои утверждения и претензии или обеспечить их не иначе как посредством *войны*. Наоборот, критика, заимствуя все решения из основных правил его собственного установления, авторитет которого не может быть подвергнут сомнению, создает нам спокойствие правового состояния, при котором наши споры надлежит вести не иначе как в виде [судебного] *процесса*. В естественном состоянии конец спору кладет *победа*, которой хвалятся обе стороны и за которой большей частью следует лишь непрочный мир, устанавливаемый вмешавшимся в дело начальством; в правовом же состоянии дело кончается *приговором*, который, касаясь здесь самого источника споров, должен обеспечить вечный мир (Kant, 1787: В 779–780/А 751–752; Кант, Лосский и др., 2006: 2.1, 949–951).

При этом стоит иметь в виду, что результатом критики религии, морали, права Кант видит далеко не их ниспровержение, а, напротив, как раз упрочение, ретроспективно заявляя:

Только такой критикой можно подрезать корни *материализма, фатализма, атеизма, неверия*, проистекающего от *вольнодумства, мечтательности*,

фанатизма и *суеверия*, которые могут приносить всеобщий вред, и, наконец, *идеализма* и *скептицизма*, которые больше опасны для школ и вряд ли могут распространяться среди широкой публики (Кант, Лосский и др., 2006: В xxxix; там же: 2.1, 37).

Несмотря на то что конкретные итоги «Критики чистого разума» были восприняты довольно противоречиво, а в определенной среде богословов и философов фактически толковались даже как устранение религии и морали, сам кантовский замысел этим все же не отменяется.

Повсеместным проникновением критики Кант объясняет наименование собственного века как «века критики», и в *характеристике через критику собственной эпохи* состоит четвертая особенность кантовского понимания критики:

Наш век есть подлинный век критики, которой должно подчиняться все. *Религия* на основе своей святости и *законодательство* на основе своего *величия* хотят поставить себя вне этой критики. Однако в таком случае они справедливо вызывают подозрение и теряют право на искреннее уважение, оказываемое разумом только тому, что может устоять перед его свободным и открытым испытанием (Кант, 1781: А XI Anm.; Кант, Лосский и др., 2006: 2.2, 15 прим.).

Или как об этом говорится в лекциях по логике под редакцией Г. Б. Йеше (1800):

Наш век есть век *критики*, и нужно посмотреть, чем станут критические опыты нашего времени для философии и в особенности для метафизики (Кант, 1923b: 33; Кант, Марков и Жучков, 1994b: 288).

По прошествии почти двух с половиной столетий можно более-менее уверенно утверждать, что надежды Канта на критику в метафизике и век критики явно не оправдались.

Прямым следствием кантовского понимания критики оказывается *требование свободы мысли и свободы слова*, и в этом состоит ее пятая особенность:

К этой свободе относится также и свобода высказывать свои мысли и сомнения, которых ты не можешь разрешить самостоятельно, для публичного обсуждения и не подвергаться за это обвинениям, будто ты беспокойный и опасный [для общества] гражданин. Эта свобода вытекает уже из изначальных прав человеческого разума, не признающего никакого судьи, кроме самого общечеловеческого разума, в котором всякий имеет голос; и так как

от этого разума зависит всякое улучшение, какое возможно в нашем состоянии, то это право священо и никто не смеет ограничивать его (Кант, 1787: В 780/А 752; Кант, Лосский и др., 2006: 2.1, 951).

В статье о Просвещении (1784) — а в ней «век критики» именуется Кантом также и «веком Просвещения» — это требование выражено в виде утверждения свободы публичного применения разума (Кант, 1923а: 37, 40; Кант, Арзаканьян и Длугач, 1994с: 131, 141). Свобода мысли и слова, отсутствие преград на пути критики связаны у Канта с тем, что в ходе этой проверки познавательной способностью самой себя она понимается именно как общечеловеческий разум, к которому приобщены все, и в этом приобщении и совместной работе каждый отдельный человек соучаствует и сопричастует в общем поиске истины, а потому преграды на пути критики и свободы мысли одновременно оказываются преградами на пути к истине. По этой причине задачу начальства и правительства в век критики Кант усматривает не в грубом вмешательстве в спор и обеспечении победы в войне одной из сторон, а, напротив, в обеспечении свободы критики и судебного процесса разума над самим собой как ее реализации:

Если правительства считают оправданным вмешиваться в деятельность ученых, то их мудрой заботливости о науках и о человеке куда более соответствовало бы споспешествование свободе такой критики, единственно благодаря которой можно поставить на прочную основу обработку результатов деятельности разума, а не поддерживать смехотворный деспотизм школ, которые поднимают громкий крик об опасности для общества, когда кто-то разрывает их хитросплетения, между тем как публика их никогда не замечала и потому не может ощущать их утрату (Кант, 1787: В xxxiv–xxxv; Кант, Лосский и др., 2006: 2.1, 37).

Однако у Канта в пассажах о свободе критики появляются два настоящих понятия, способных поставить в тупик: «цензура» и «дисциплина». В качестве цензуры у Канта фигурирует проверка фактов разума: «Подобный способ подвергать *факты* разума проверке и по усмотрению порицать их можно назвать *цензурой* разума» (Кант, 1787: В 788/А 761; Кант, Лосский и др., 2006: 2.1, 961). Таким образом, цензурой Кант называет не ограничения и запреты на критику, а, напротив, проверку фактов разума с целью обнаружения того, что оторвано от опыта и выходит за его пределы. Подобную проверку фактов Кант многозначительно отказывается именовать критикой, и это существенно отличает его позицию от современных «фактчекинга»,

борьбы с «фейками» и прочих элементов так называемого «критического мышления». Проверка фактов, конечно, необходима, однако она сама по себе не в состоянии ответить на вопрос о причинах несоответствия и заблуждения, которые могут иметь принципиальный характер и на систематической основе продуцировать подобные мнимые факты, являясь, например, следствием принятых идеологических установок и прочих ценностей. *Вскрытие причин появления и воспроизведения мнимых фактов и оказывается задачей критики* — и это ее очередная особенность. Критика, таким образом, состоит в том, что

не фактам разума, а самому разуму дается оценка с точки зрения всей его способности и пригодности к чистым познаниям а priori. Это не цензура, а *критика* разума, посредством которой не только угадываются, но и доказываются на основе принципов не одни лишь *пределы*, а определенные *границы* разума, не простое неведение в той или другой области, а неведение во всех возможных вопросах определенного рода (Kant, 1787: В 789/А 761; Кант, Лосский и др., 2006: 2.1, 961).

В этом же направлении устранения причин заблуждений движется и дисциплина чистого разума в том случае, если речь идет не об эмпирическом употреблении разума, опирающемся на критерий опыта, и не о математических исследованиях, опирающихся на критерий проверки в чистом созерцании:

...в случае трансцендентального употребления разума по одним лишь понятиям он крайне нуждается в дисциплине, которая укрощала бы его склонность к расширению за узкие границы возможного опыта и удерживала бы его от крайностей и заблуждений, так что вся философия чистого разума имеет дело только с этой негативной пользой. Отдельные заблуждения можно устранить при помощи цензуры, а их причины — при помощи критики. Но если мы встречаем, как это наблюдается в чистом разуме, целую систему иллюзий и фикций, связанных друг с другом и объединенных общими принципами, то в таком случае, по всей видимости, требуется совершенно особое, и притом негативное, законодательство, под именем *дисциплины* создающее из природы разума и предметов его чистого употребления как бы систему предосторожностей и самопроверки... (Kant, 1787: В 739/А 711; Кант, Лосский и др., 2006: 2.1, 903)

При этом следует учитывать, что сходное значение дисциплины относительно критики применяется у Канта и в более узком, утилитарном смысле — в частности, в лекциях по логике. В таком случае критика, будучи наукой о правилах обыденного рассудка, соотносится с очищающим

средством, выполняя полезную функцию и выступая в виде дисциплины в смысле запрета и устранения ошибочного, но не превращаясь при этом в специально разработанное учение, как это представлено в «Учении о методе» «Критики чистого разума». Такая критика противопоставляется доктрине как науке о применении рассудка в науках, и только доктрина, будучи наукой о правилах ученого применения разума, является логикой в собственном смысле слова. Доктрина соотносится с органом, который нацелен уже не на предохранение от ошибок, а на обретение знания и который должен следовать за критикой как очищающим средством. В соответствии с этим «логика здравого разума — критика, ученого — доктрина» (Кант, 1924: 18). По этой причине нет никакой натяжки в том, чтобы связывать критику у Канта со здравым рассудком или здравым разумом. Более того, сам Кант это неоднократно осуществляет, начиная еще с докритического периода: логика как некоторый «карантин» «представляет собой критику вместе с предписанием *здравого рассудка*, который, с одной стороны, граничит с грубыми понятиями и невежеством, с другой же — с наукой и ученостью» (Кант, 1912: 310; Кант, Фохт, 1994е: 198 — перевод исправлен по оригиналу). Низведение критики до здравого рассудка/разума — тоже своеобразное кантовское понимание критики, но только это критика совсем не в том значении, которое проступает на титуле его трактатов 1781–1790 годов и которое сделало для нас кантовскую философию столь значительной.

II. ОРИГИНАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ КРИТИКИ У КАНТА: СПЕЦИФИЧЕСКИЙ МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ СМЫСЛ

Свое новое понимание критики Кант сформировал в раздумьях над судьбой метафизики, и с критикой же он связывал надежды на ее реформы или даже революцию:

Дело этой критики чистого спекулятивного разума состоит в попытке изменить прежний метод исследования в метафизике, а именно совершить в ней полную революцию, следуя примеру геометров и естествоиспытателей. Эта критика есть трактат о методе, а не система самой науки, но тем не менее в ней содержится полный очерк метафизики, касающийся вопроса и о ее границах, и обо всем внутреннем ее расчленении (Кант, 1787: В XII–XIII; Кант, Лосский и др., 2006: 2.1, 25)

— провозглашает он в «Критике чистого разума». Но в чем именно состоит революционное значение критики?

Собственную критику Кант рассматривает в качестве срединного пути в метафизике:

Между догматизмом и скептицизмом критицизм является единственно законсообразным срединным способом мышления. Он состоит в максиме никогда не признавать нечто за истинное, кроме как после полноценной проверки принципов (Kant, 1928c: 293).

Или, как об этом говорится в «Пролегоменах»:

Критика разума обозначает здесь истинный средний путь между догматизмом, с которым боролся Юм, и скептицизмом, который он, наоборот, хотел ввести, — средний путь, не похожий на другие средние пути, выбираемые как бы механически (кое-что отсюда, кое-что оттуда) и никого ничему не научающие, а такой путь, который можно точно определить на основе принципов (Kant, 1911: 360, §58; Кант, Соловьев и др., 1994d: 126, §58).

Но противостоит скептицизму и догматизму критицизм все же по-разному. Исходной точкой для формулирования смысла критики у Канта является демонстрация ее отличия именно от догматизма, олицетворяемого метафизикой Христиана Вольфа (1679–1754):

Свою критику мы противопоставляем не *догматическому методу* разума в его чистом познании как науке (ибо наука во всякое время должна быть догматической, т. е. должна давать строгие доказательства из надежных принципов *a priori*), а *догматизму* как таковому, т. е. притязанию продвигаться вперед при помощи одного только чистого познания из понятий (философских) согласно принципам, давно уже употребляемым разумом, и [притязанию] при этом оставлять без выяснения вопрос о методе и праве, с помощью которых принципы были обретенны. Следовательно, догматизм есть догматический метод чистого разума *без предварительной критики способности самого чистого разума* (Kant, 1787: В xxxv; Кант, Лосский и др., 2006: 2.1, 39).

Как раз с противопоставлением догматизму связана и знаменитая кантовская фраза про пробуждение его философии от «догматического сна» и принятие «за трудное дело критики самого разума» (Kant, 1911: 338, §50; Кант, Соловьев и др., 1994d: 100, §50)⁵. Сам этот кантовский замысел предварительной критики до начала догматических

⁵Сама фраза о «догматическом сне», вероятно, ответ Канта И. Г. Зульцеру, автору предисловия к избранным работам Д. Юма на немецком языке, писавшему в 1755 году для немецкой публики следующим образом: «Мне кажется, что Германия больше, нежели другие страны, предоставлена опасности вредоносного философского мира... что в Германии имеется множество философов, чье оружие затупилось и приходит в негодность от долгого мира. Я надеюсь, что знакомство с этим произведением их немного пробудит от их праздного покоя и подтолкнет к новой деятельности» (Sulzer, 1755: б. п.).

построений неоднократно вызывал серьезные возражения. Пожалуй, самым известным оказывается ироничное замечание Г. В. Ф. Гегеля в «Науке логики»:

...желание познавать прежде, чем приступить к познанию, так же несуразно, как мудрое намерение того схоластика, который хотел научиться *плавать прежде, чем броситься в воду* (Hegel, 1989: 54, §10; Гегель, Столшнер, 1974: 95, §10).

Но Гегель не вполне адекватно выразил мысль Канта, и гораздо точнее ее схватил В. С. Соловьев в раздумьях о теоретической философии, истолковывая подлинное намерение Канта следующим образом:

Исследуя природу мышления, мы тем самым уже бросаемся в поток мысли, и задача гносеологии похожа здесь лишь на осторожность пловца, желающего испытать и оценить свои силы в прибрежном плавании, прежде чем пускаться в открытое море (Соловьев, 1988: 807).

Противопоставление критики скептицизму следует уже после проведения начальной границы между критицизмом и догматизмом. По мысли Канта, догматизм, несмотря на все свое системотворчество, в действительности оказывается прямой дорогой к скептицизму:

...догматическое употребление разума без критики приводит к ни на чем не основанным утверждениям, которым можно противопоставить столь же иллюзорные утверждения, стало быть, приводит к *скептицизму* (Kant, 1787: В 22–23; Кант, Лосский и др., 2006: 2.1, 77).

К науке же нас может привести только критика разума, обращенная первоначально на догматизм, а затем и на скептицизм. Таким образом, этот путь к подлинной науке включает в себя три шага. Догматизм Кант называет первым шагом, свойственным детскому возрасту чистого разума. Скептицизм уже «свидетельствует об осмотрительности способности суждения, проходящей школу опыта» (Kant, 1787: В 789/А 761; Кант, Лосский и др., 2006: 2.1, 961), однако он есть лишь

привал для человеческого разума, где он может обдумать свое догматическое странствование и набросать план местности, где он находится, чтобы избрать дальнейший свой путь с большей уверенностью, но это вовсе не место для постоянного пребывания (Kant, 1787: В 789/А 761; Кант, Лосский и др., 2006: 2.1, 961).

Требуется еще и третий, критический, шаг,

возможный лишь для вполне зрелой и мужественной способности суждения, в основе которой лежат твердые и испытанные с точки зрения их всеобщности максимы (Кант, 1787: В 789/А 761; Кант, Лосский и др., 2006: 2.1, 961).

Кант вполне осознавал оригинальный, новаторский характер собственной критики, о чем недвусмысленно говорил в «Пролегоменах»:

Уже давно вошло в обычай обновлять устаревшие познания, вырывая их из прежней связи и прилаживая к ним под новыми названиями системное одеяние собственного излюбленного покроя; и большинство читателей заранее не ожидает ничего иного и от моей критики. [...] ...Критика чистого разума есть совершенно новая наука, которой прежде ни у кого и в мыслях не было... даже самая идея ее была неизвестна и... из всего данного до сих пор она не могла использовать ничего, кроме разве намека, заключающегося в сомнениях Юма; но и Юм не подозревал, что возможна подобная настоящая наука: он лишь сумел для безопасности посадить свой корабль на мель скептицизма, где этот корабль мог бы остаться и сгнить, тогда как у меня дело идет о том, чтобы дать этому кораблю кормчего, который на основе верных принципов кораблевождения, почерпнутых из познания земного шара, снабженный самой подробной морской картой и компасом, мог бы уверенно привести корабль к цели (Кант, 1911: 261–262; Кант, Соловьев и др., 1994d: 13–14).

После долгих и трудных поисков для специального обозначения этой новой науки критики разума Кант решил использовать выражения «трансцендентальная философия» (Кант, 1787: В 25; Кант, Лосский и др., 2006: 2.1, 79) или «трансцендентальная критика» (Кант, 1787: В 26; Кант, Лосский и др., 2006: 2.1, 79), в значительной степени реабилитируя тем самым дискредитированный к тому времени термин «трансцендентальный» и придавая ему новое оригинальное звучание. Окрыленный новой наукой Кант патетически провозгласил все в тех же «Пролегоменах»:

...кто раз отведал критики, тому навсегда будет противен всякий догматический вздор, которым он прежде должен был довольствоваться, не находя лучшего удовлетворения для потребностей своего разума. Критика относится к обычной школьной метафизике точно так, как *химия* к *алхимии* или *астрономия* к прорицающей будущее *астрологии*. Я ручаюсь, что всякий, кто продумал и понял основоположения критики, хотя бы только по этим пролегоменам, уже никогда больше не вернется к старой и софистической лженауке; скорее он с радостью будет смотреть на такую метафизику, которая отныне ему доступна, не нуждается ни в каких подготовительных открытиях и первая может доставить разуму постоянное удовлетворение (Кант, 1911: 366; Кант, Соловьев и др., 1994d: 132).

Однако уже к концу жизни этот кантовский пафос все больше вытеснялся горечью от осознания не вполне реализованного и не вполне удавшегося замысла.

III. ПОНЯТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЕТОДА

С новым пониманием критики у Канта связан и его новый критический метод. Это не единственный метод, выявляемый и применяемый Кантом, но он в наибольшей степени выражает новизну его критицизма и своеобразие зрелого кантовского подхода. К иным методам, связанным друг с другом и в определенной степени переходящим друг в друга, относятся уже упомянутый выше догматический, а также полемический и скептический методы (см. об этом подробнее Хинске, Круглов, 2007: 64–77). Помимо этого, но в ином ряду стоит у Канта цететический метод: он приблизительно соответствует значению критики в смысле противопоставления доктрине (см. Kant, 1926: 558; Kant, 1942: 6, 175 — в сокращенном русском переводе эти фрагменты отсутствуют). В предуведомлении к лекциям 1765–66 годов Кант отмечает:

Характерный метод обучения в философии — это метод *цететический*, как его называли некоторые античные [авторы]⁶ от *zhtein*, т. е. метод *исследования*, который лишь у более искусственного опытом разума становится в разных частях своих *догматическим*, т. е. *решающим* (Kant, 1912: 310; Кант, Фохт, 1994е: 195).

Возвращаясь же к ряду методов от догматического через полемический и скептический до критического, стоит напомнить, что в нем отсутствует изобретенный марбургскими неокантианцами и приписанный ими Канту трансцендентальный метод⁷. Критический же метод Кант хотя прямо и называет в своих печатных произведениях (Kant, 1911: 308, §26; Кант, Соловьев и др., 1994d: 66, §26), однако характеризует его все же в первую очередь в лекциях по логике и метафизике. В «Венской логике» критический метод четко соответствует критике как срединному пути между догматизмом и скептицизмом, выраженному в «Критике чистого разума» и «Пролегоменах». После того как применение догматического и скептического метода заводит нас в тупик, приходит очередь применять как раз критический метод,

⁶См., например, Диоген Лаэртский, Гаспаров, 1986: 354.

⁷Правда, хотя у Канта и отсутствует словосочетание «трансцендентальный метод» (Methode), выражение «*transzendentes Verfahren*» он все же употребляет (Kant, 1787: В 395/А 337. В 666/А 638; Кант, Лосский и др., 2006: 2.1, 505 (применение), 819 (метод)).

т. е. я исследую источники догматического и скептического метода, и тогда я начинаю видеть, на чем основывается утверждение и его противоположность. Критический метод, следовательно, это срединный метод, посредством которого познание может достичь достоверности. Он предупреждает догматическую видимость, так как он противопоставляет догматизму скептицизм, и, так как посредством этого он вскрывает основания обоих, он один может установить, как много оснований у меня для признания истинности (Кант, Харитонов и Крыштоп, 2022: 299–300).

В другом лекционном конспекте по логике — так называемой «Логике Гексель» — критический метод в краткой форме выражается следующим образом:

Критический метод исследует источники как догматического, так и скептического метода. Этот критический метод есть единственный метод обретения достоверности, ибо он предохраняет от догматической видимости (Logik Hechsel, 1998: 376).

В лекциях по логике Кант показывает, каким образом критический метод устраняет проблемы, возникающие в результате применения догматического, полемического и скептического методов. В лекциях же по метафизике проявляется еще одна сторона критического метода — его полезность в борьбе с предрассудками и иллюзиями:

...мы должны исследовать силы души, из которых проистекают познания, чтобы усмотреть, можем ли мы им доверять, хотя они кажутся очевидно истинными, — и потом, на чем основывается вообще способность что-либо познавать a priori. Критический метод проверяет положение не объективно, или по его содержанию, а субъективно. Метод метафизики является в соответствии с этим критически догматическим, чтобы найти критерий, чтобы отличить познания, которые правомерно проистекают из рассудка и из разума, от таких, которые возникают без [этого как] иллюзии или таким образом, что они сами себя обманывают (Кант, 1980: 779).

Очередная особенность критического метода состоит, таким образом, в его обращении к априорным предпосылкам самих основоположений, а не к результатам их применения:

...критический метод, если я исследую сами основоположения по их способу возникновения, из какой силы души они проистекают, и по их возможности, каким образом они могут проистекать a priori (ibid.: 938).

Подводя итоги, все в тех же лекциях по метафизике — в так называемой «Метафизике Мронговиус» — Кант заявляет:

Критический метод направлен не на само познание или на объект, а на рассудок. Поэтому он не объективен, а субъективен. Если я, следовательно, принял в философии основоположение, то я его сначала должен доказать. Если же я его не могу доказать, то оно подозрительное и его не следует использовать. Ибо если вытекающие отсюда познания вмещают в себя противоречие, то я его не могу устранить, так как метафизика выходит за границы опыта и, следовательно, я не могу проверить основоположения на основе опыта. В метафизике критика самая неизбежная, так как в противном случае можно легко ошибиться, поскольку у нее нет руководства при выходе за границы опыта; поэтому польза от метафизики также негативна, причем эта польза наибольшая, так как критика метафизики наиболее необходима. Будучи построенной на критике и убереженной от заблуждений, она является защитной силой религии против всех спекулятивных сомнений (Kant, 1980: 939).

Здесь довольно отчетливо проступает, насколько близко сливаются у Канта описанный выше метафизический смысл критики и суть критического метода.

Детали критического метода были известны в первую очередь кантовским студентам, а тем, кто у него не учился, они стали доступны лишь после публикации кантовских лекций по логике и метафизике. Многочисленные же цитаты о критике в новом смысле из печатных произведений Канта — в первую очередь из двух первых изданий «Критики чистого разума» и «Пролегоменов», — сознательно приведенные выше в таком обилии, проходят красной нитью сквозь самые известные и влиятельные трактаты Канта, а потому их очень трудно просмотреть или не заметить. В этой связи уместно было бы задать вопрос: что из всего того нового и оригинального, сказанного Кантом о критике и критическом методе, было воспринято его потомками и используется нами сегодня?

IV. КРИТИКА И КРИТИЧЕСКОЕ СЕГОДНЯ

При всем разнообразном прославлении Канта, звучащем с разных сторон до сих пор, и при всех усилиях самого кенигсбергского философа по прояснению нового смысла критики, предпринятых в его трактатах, в результате чего в них содержатся россыпи доходчивых афоризмов на тему критицизма, приходится с сожалением признать: большая часть его мыслей о подлинной критике ушла попросту в никуда. Во-первых, ныне критика преимущественно направлена, в отличие от предложенного Кантом, не на самую познавательную способность,

а как раз на другие книги и системы. Во-вторых, критика понимается не как самопознание разума, не как суд разума над самим собой, а как устранение высокоморальным критиком своего недостойного оппонента. Еще Карл Маркс (1818–1883) в работе, имитирующей название кантовских критических трактатов — «К критике гегелевской философии права» (1844), — сражаясь с немецкими порядками своего времени, обличающе-доносяще⁸ заявил:

В борьбе с ними критика является не страстью разума, она — разум страсти. Она — не анатомический нож, она — оружие. Ее объект есть ее *враг*, которого она хочет не опровергнуть, а *уничтожить*. Ибо дух этих порядков уже опровергнут. Сами по себе они *недостойны* стать предметом *размышления* — они *существуют* как нечто столь же презренное, сколь и презираемое. Критике незачем выяснять свое отношение к этому предмету — она покончила с ним всякие счеты. Критика выступает уже не как *самоцель*, а только как *средство*. Ее основной пафос — *негодование*, ее основное дело — *обличение* (*Denunziation*) (Магх, 1976: 380; Маркс, 1955: 416–417).

У Марксова понимания критики нашлось куда больше сторонников, чем у Канта. К имеющимся во времена кенигсбергского философа преградам на пути критики добавились многочисленные новые в сфере политики. Последовательное снятие табу в отношении одних сопровождается не меньшим возведением табу в отношении других. Запреты, «отмены», бойкоты, всевозможная цензура сделали требование свободы мысли и слова едва ли не более актуальным, чем в кантовские дни. Одна лишь робкая попытка встать на точку зрения другого воспринимается как кощунственная и может вполне обернуться не только ругательствами («*Versteher*») и обструкцией, но и уголовными преследованиями.

С одной стороны, банальную критику книг и систем многие рассматривают так, будто бы это и есть кантовская традиция критицизма, а с другой стороны, некоторые адепты экспортированного из англоязычного образовательного пространства так называемого «критического мышления» рассуждают о нем так, как если бы Канта никогда и не существовало. Серьезный философский и методологический разговор о каком-то варианте критицизма и критического без обращения к Канту и его достижениям и неудачам — это нелепость и свидетельство культурного и философского невежества. Правда, в какой мере само

⁸Прямым переводом немецкого слова «*Denunziation*» является не столько «обличение», сколько «донос».

«критическое мышление» представляет собой нечто серьезное — это большой вопрос. Если оно сводится к чудодейственному обретению неких «компетенций» по разоблачению «фейков» противников и врагов, то оно представляет собой, говоря словами Канта, такую картину, при которой некомпетентный судья «рассматривает ни на чем не основанные утверждения других, исходя из своих собственных в такой же мере необоснованных утверждений», но безусловно принимаемых в качестве единственно правильных в силу политических, идеологических и иных предпочтений. Даже в безобидных примерах подобное рассмотрение в лучшем случае может являться кантовской «цензурой разума» — проверкой фактов, но никак не критикой или критическим методом. Про свои собственные «фейки», равно как и глубинные основания и причины их появления, а также их сходство с причинами появления «фейков» противников здесь не может идти и речи. Равным образом здесь не допускается, «мысля, ставить себя на место другого» (Kant, 1913: 294; Кант, Мотрошилова и Длугач, 2001: 377), что согласно «Критике способности суждения» (1790) составляет вторую максиму мышления наряду с самостоятельностью мышления и мышлением в согласии собой и по причине чего было бы ошибочным, как это делают некоторые отечественные исследователи (см. Грифцова и Сорина, 2022: 15), сводить критическое мышление у Канта к самостоятельному — последнее, взятое без двух других максим, несет в себе опасность вырождения в логический эгоизм (см. об этом Круглов, 2014: 24–26). Таким образом, поиск каких-либо серьезных связей подобного «критического мышления» с кантовской традицией критики и правда был бы нонсенсом. В этом смысле отсутствие даже имени Канта в большинстве известных мне англоязычных исследований и пособий по критическому мышлению вполне справедливо: они не имеют к нему никакого отношения. Правда, в этой связи вопрос возникает другой: почему и на каком основании эти и подобные им русскоязычные пособия имеют непосредственное отношение к российскому образовательному пространству?

Родословная подобного «критического мышления» и в самом деле иная, некантовская, и восходит она к работам Джона Дьюи (1859–1952). В сочинении под названием «Как мы мыслим» (1910) — в русском переводе «Психология и педагогика мышления» (Дьюи, Никольская, 1915) — Дьюи сформулировал некоторые различия «некритического мышления» и «критического мышления» (см. Dewey, 1910: 13, 74, 82, 108). Сущностью критического мышления он объявил приостановку суждения (*suspended judgment*) для исследования природы проблемы до

попыток ее решения (Dewey, 1910: 74). Ничего нового он тем самым не сказал: рассуждения о важности приостановки суждения легко обнаружить в лекциях по логике у Канта (см., например, Кант, Харитонова и Крыштоп, 2022: 272–273, 299), равно как и в учебнике по логике, положенном в основу кантовских лекций, авторства Георга Фридриха Майера (1718–1777) (см. Meier, 1752: 45, §168 (*suspendere iudicium*)). Но для Канта это была лишь одна, пусть и важная, черта гораздо более широкого и глубокого понимания критической философии и критического метода, и ему не пришло в голову превратить этот единичный аспект в некое «критическое мышление». Позднее Дьюи дополнил свое понимание критического мышления в статье «Анализ рефлексивного мышления» (см. Dewey, 1983: 61–71) — рефлексивное здесь выступало синонимом критического. Но гораздо важнее оказался тезис американского мыслителя о связи рефлексивного, или критического, мышления с функционированием пропагандируемой им демократии.

Никакой отсылки к Канту у Дьюи в рассуждениях о критическом мышлении нет — здесь, вероятно, сказывается и уровень философских знаний американского мыслителя, и своеобразие американской культуры. В этом смысле англоязычные авторы пособий по критическому мышлению верно следуют за своим основателем. Однако к 1942 году имя Канта все же стало активно упоминаться Дьюи. В новом издании своей «Немецкой философии и политики», первое издание которой было опубликовано еще в 1915 году (Dewey, 1915), американский педагог и философ дописал введение «Единый мир национал-социализма Гитлера», противопоставляя его былому учению Канта о человеке как гражданине двух миров (первая глава в обоих изданиях), тем самым прочерчивая линию от Канта до Гитлера. Именно Кант создал, по его утверждению, те основы, которые затем и преобразовал Гитлер. Последний объединил внутреннее и внешнее, идеалы и нечто актуальное, веру и грубую реальность, идеализм и власть (см. Dewey, 1942: 25), и в этом соединении ранее двух разделенных немецких миров — духовной и социальной жизни — и кроется понимание Гитлером самого себя как «мессии» (*ibid.*: 40). В объединении двух миров в один единый состояла «миссия» Гитлера (*ibid.*: 25), и опорой ему в этом была вера немцев в абстрактные абсолютные «идеалы» (*ibid.*: 30), упрочившаяся благодаря Канту.

Эта перформативная демонстрация «критического мышления» Дьюи показательна сразу в нескольких отношениях. Во-первых, ни один диаматовский догматик в Советском Союзе при всей коммунистической и партийной подоплеке своих взглядов даже во время Великой

Отечественной войны не зашел настолько далеко, как это сделал пропагандирующий демократию американский основатель «критического мышления». Кричащие политические импликации, которые Дьюи не просто не скрывал, а даже выставлял напоказ, говорят о жестких догматических границах «критичности» пропагандируемого им мышления. Мнимые же или действительные политические разногласия оказываются для Дьюи препятствием на пути поиска философских оснований у своего предшественника. Кантовский критицизм при всех своих противоречиях, слабостях и проблемах допускает и даже требует поставить под сомнение самого себя. То, что Дьюи по какой-то причине назвал «критическим мышлением», собственные политические основания под сомнение ставить не может, а у многих его последователей оно и во все в наибольшей степени направлено на других (противники, враги), а не на себя.

Авторами многих современных и, судя по многочисленным переизданиям, весьма популярных⁹ англоязычных пособий по «критическому мышлению» нередко являются психологи, педагоги и даже экономисты. Некоторые из такого рода пособий настолько популярны, что стоят в одном ряду с поучительными изданиями, вроде «Как заработать миллион». В силу стилистики и жанра эти работы не подразумевают размышлений по поводу предмета критического мышления и истории самого понятия, а скорее исходят из аксиоматического понимания критического мышления как своеобразной базовой ценности, которую стоит поддерживать и развивать. В них бессмысленно искать некую отсылку к кантовским истокам — разумеется, совсем не по причине критики познавательной способностью самой себя.

Впрочем, некоторые вопросы о том, что есть критическое мышление и каковы его особенности, все же обсуждаются теми специалистами, которые исследуют проблемы природы естественных рассуждений и аргументации. В этом случае на передний план выходит логическая и философская составляющая критического мышления (М. Липман, Г. П. Ридер, Х. Зигель и др.)¹⁰. Иногда имплицитно, а порой и эксплицитно критическое мышление рассматривается в этой среде и как прикладная эпистемология (С. Бэйлин, М. Бэттерсби). В ряде работ подспудно, хотя

⁹См., например, Halpern, 2003; Cottrell, 2005; Browne and Keeley, 2007; Ruggiero, 2011 и пр.

¹⁰Репрезентативную подборку различных определений критического мышления см. Боброва, 2017: 26–36.

и вряд ли осознанно, критическое мышление фактически рассматривается в рамках традиции практической логики, достигшей своего апогея в период немецкого Просвещения. Так, Д. Уолтон подчеркивает:

В основе критического мышления как дисциплины должна находиться центральная теория резонной критики аргументов... предполагающая умение конструктивно понимать другую точку зрения и... умение выявлять предрассудки (Walton, 1989: 169).

Однако даже в этих работах в случае попыток осмысления истории понятия критического мышления отчет ведется с Дьюи, но никак не с Канта, и самым ярким примером здесь может служить соответствующая статья 2018 года Д. Хичкока в «Стэнфордской энциклопедии»: история критического мышления здесь ведется от Дьюи с 1910 года, а во всей обширной статье имя Канта не упоминается ни разу (Hitchcock, 2022).

Выход из этой ситуации с курсами критического мышления в России может быть разным: как эпигонство англо-американским последователям Дьюи и отказ от необоснованного внедрения курсов критического мышления в российских учебных заведениях, так и философское наполнение этих курсов с возвратом к кантовским истокам. Первое не требует особых усилий и уже активно практикуется в ряде российских университетов. Последнее можно наблюдать в некоторых работах И. Н. Грифцовой и Г. В. Сориной — правда, и они пока апеллируют скорее к кантовскому пониманию критики как дисциплины в утилитарном смысле в его ранних работах (см. Грифцова и Сорина, 2022: 14), а не к оригинальному пониманию критики и критического метода зрелого Канта. Но и отказ от курсов критического мышления, и попытки их философского наполнения предполагают содержательное осмысление проблемы и уважительное отношение к философской классике. Поскольку же даже самым большим оптимистам не приходит в голову называть XXI век «веком критики», то в России победит, скорее всего, совсем иной вариант, в рамках которого ни Кант, ни его философия, ни даже Дьюи вообще не будут играть никакой роли. Именно по этому пути пошел, например, БФУ им. И. Канта, в рамках подготовки к «славной дате» — 300-летию юбилею своего патрона — иницируя проект по критике книг и систем, критике «Критик» под названием «Критическое мышление как предмет критики в истории русской и европейской мысли» (см. Первый научный семинар-дискуссия..., 2021). Придуманное в американской мысли критическое мышление, о котором в советской,

да и постсоветской мысли до последнего времени благополучно не знали, критикуется почему-то в этой самой русской и европейской мысли, и все это — во славу патрона университета. О том, лавры какой славы причитаются Канту со стороны основателя «критического мышления» Дьюи, уже было сказано выше.

Но в чем авторы этого помпезного проекта БФУ усматривают точки соприкосновения с патроном университета? Согласно соорганизатору мероприятия С. Н. Градиrossoму, Кант

определил критическое мышление как важную часть европейского сознания. [...] ...необходимо не просто чтить его и изучать его труды, но и так же критически относиться к действительности, как и сам Кант (Подготовка к 300-летию Иммануила Канта..., 2021).

Иными словами, организаторам проекта нет никакого дела ни до Дьюи (вероятно, им и не известно его авторство в отношении «критического мышления» — они пишут другого «Юрия Милославского»), ни до чтения Канта (а он, в отличие от Гегеля, хоть и не призывал к «примирению с действительностью» (Hegel, 1986: 27; Гегель, Столпнер и Левина, 1990: 55), но и критически требовал относиться не к ней, а к самой познавательной способности): Кант писал какие-то «Критики» и что-то говорил про критическое, и проект посвящен «критике критического мышления», а значит, связь и преемственность просто неоспоримы. Отталкиваясь от подобного рода фонетических созвучий — в содержательном плане между проектом БФУ по «критическому мышлению» и критикой у Канта, напротив, сплошные диссонансы, — с наименьшим успехом в кантианцев можно было бы записать, например, всех офицеров ВС РФ, поскольку все они носят фуражки с кантом. Как пронизательно и пророчески заметил еще И. С. Тургенев: «Ученый Кант есть и у нас; только на воротниках инженеров!» (Тургенев, 1982: 386) Именно эта избитая рифма «Кант — кант» и стала одним из лейтмотивов русской художественной кантианы. «Воззри на Пруссию, не Канты // Не Гегели, на целый мир // Ее прославили, но канты, // Погоны, выпушки, мундир», — писал под впечатлением от Франко-Прусской войны В. П. Буренин (Буренин, 1897: 216). «Уже знакомы с Гегелем и Кантом, // И сами не последние умы, // Но шаровары те с армейским кантом // В студенчестве еще таскали мы», — вторил ему ветеран Великой Отечественной войны К. Я. Ваншенкин (Ваншенкин, 1984: 107).

Но на этом проекте БФУ им. И. Канта не останавливается, перенося литературную игру слов-омонимов в учебный процесс: по словам

ректора А. А. Федорова, на основе вышеуказанных исследований уже в сентябре 2022 года начнется «пилотный курс по критическому мышлению для трети направлений подготовки. После чего модуль станет доступным для всех» (В БФУ им. И. Канта завершился..., 2022). Это тем более печально, если учесть, что одним из российских авторов, внесших свой вклад в разработку проблем критического мышления, был многолетний профессор БФУ им. И. Канта В. Н. Брюшинкин (см., в частности, Брюшинкин, 2003: 29–34), превративший в свое время этот университет в российский центр логического кантоведения. Среди российских авторов Брюшинкин ближе остальных подошел и к терминологии, и к проблематике Канта, противопоставляя критическое мышление догматическому.

О печальной судьбе изобретенной Кантом трансцендентальной критики, которую кенигсбергский философ воспринимал как некую революцию в мышлении, замечательно поведал, сам того не зная, венгерский композитор и пианист Ференц Лист (1811–1886). Ему удалось превосходно выразить суть ходячего понимания критики как критики вкуса, известной Канту еще по сочинениям А. Г. Баумгартена (см. Baumgarten, 1757: 220–221, §607), Г. Хоума (см. Kant, 1923b: 15; Кант, Марков и Жучков, 1994b: 270; Хоум, Александрова, 1977) или современным ему изданиям в духе «Усилий по поощрению критики и хорошего вкуса» — а именно к ней критика чаще всего сегодня и сводится. Ученик Листа, пианист и композитор Александр Ильич Зилоти (1863–1945) вспоминал:

Слово «критика» Лист произносил «критика» и всегда сердился, если кто-нибудь сообщал, что имел «хорошую критику». [...] Однажды Лист остроумно выразился о том, что такое критик. Нас собралось трое: Фридрих, одна дама (не помню, кто именно) и я. Лист хотел сыграть партию в вист, но Фридрих отказался, говоря, что он играть не умеет и ничего не понимает. «Вот как, — сказал Лист, — значит вы должны быть критиком!» (Зилоти, 1963: 51–52)¹¹

Но Листу непроизвольно удалось проиллюстрировать и недоразумение, связанное уже с трансцендентальным, в котором ищут что-то возвышенное и поэтическое — а стоит напомнить, что именно при помощи понятия трансцендентального Кант и характеризует свое новое понимание критики. Один из циклов своих этюдов Лист в конце концов назвал «*Études d'exécution transcendante*», и в переводе на русский язык

¹¹В оригинале (Зилоти, 1911: 17) фраза Листа заканчивается именно восклицательным знаком. Артур Фридрих или Фридрих (1859–1932) — ученик Листа.

они фигурируют в различных вариантах и как трансцендентные, и — реже — как трансцендентальные этюды. Наиболее распространенное среди российских исследователей толкование этого необычного названия дал более полувека назад музыковед Я. И. Мильштейн в монографии о Листе:

Заглавие окончательной (третьей по счету) редакции оригинальных этюдов не раз вызывало недоумение. Многие ошибочно считали, да и продолжают считать, что это есть «этюды высшей степени трудности», не понимая того, что в выражение «d'exécution transcendante» («трансцендентное исполнение») Лист вкладывал иной, более глубокий и более возвышенный смысл. Под трансцендентным исполнением Лист понимал не узко техническое совершенство, не овладение высшей степенью трудности, а виртуозность в подлинном смысле этого слова: умение исполнить музыкальное произведение во всем его блеске и свежести, умение возвышенно мыслить за фортепиано, заставив технику быть помощницей поэтической идеи, то есть *высшее исполнительское мастерство* (Мильштейн, 1956: 215–216).

Таким образом, в этом толковании трансцендентность/трансцендентальность этюдов Листа означает если и не критическое, то возвышенное и поэтическое мышление. Опираясь на дошедшие до нас воспоминания об игре Листа, а также знакомясь с его композициями, можно и вправду исходить из того, что техника Листа состояла на службе его поэтического дара, но только к названию этюдов это, как и «критическое мышление» Дьюи к Канту, не имеет ни малейшего отношения.

Влиятельный бельгийский музыковед и критик Франсуа Жозеф Фетис (1784–1871) в статье «Тальберг и Лист» (1837) в ответ на музыковедческие заметки Листа о фортепианных произведениях его конкурента, австрийского композитора и пианиста Сигизмунда Тальберга (1812–1871) выступил на стороне последнего как представителя новой школы, обратившись к Листу следующим образом:

Вы — превосходный человек (l'homme transcendant) той школы, которая заканчивается и которой больше нечего делать, но Вы не являетесь создателем новой школы. *Тальберг — этот человек*, в этом состоит разница между Вами обоими (Fetis, 1837: 142)¹².

Именно эту фразу про превосходного, превосходящего, выдающегося человека старой школы Лист и стал буквально обыгрывать с 1838 года

¹²Мильштейн цитирует эту фразу по немецкому переводу, в котором характеристика «transcendant» опущена, хотя в скобках в немецком издании и приведен французский оригинал (см.: Мильштейн, 1956: 133; Liszt, 1881: 87).

применительно к своим этюдам, называя их «*Études d'exécution transcendante*». Если верить эпистолярному наследию Листа, то уже в 1841 году Фетис после одного концерта венгерского музыканта воскликнул, что в его творчестве обнаруживается новое творение фортепиано, о котором ранее не подозревали (см. *Correspondance de Liszt...*, 1934: 120). В том же году все в той же своей газете, в которой он ранее противопоставлял Листа Тальбергу, бельгийский музыковед написал положительную рецензию на «Трансцендентные этюды» (см. Fetis, 1841: 261–264) — правда, на ироничную пародию собственного выражения в названии произведения никак не отреагировал. Пикантности выяснению отношений между Фетисом и Листом по поводу того, что есть старая, а что — новая школа и к какой именно относится Лист, добавило и то, что «*Études d'exécution transcendante*» были посвящены учителю Листа, австрийскому пианисту и композитору Карлу Черни (1791–1857) — явному представителю «старой» школы.

Быть может, если бы на смену Канту пришли такие «превосходные люди», как Лист, а не такие, как Дьюи, не говоря уж о российских Хлестаковых, дела с критическим мышлением сегодня обстояли бы далеко не так плачевно.

ЛИТЕРАТУРА

- Боброва А. С. Критическое мышление. Проблема определения // Рацио.ру. — 2017. — Т. 18, № 1. — С. 26–36.
- Брюшинкин В. Н. Критическое мышление и аргументация // Критическое мышление, логика, аргументация / под ред. В. Н. Брюшинкина, В. И. Маркина. — Калининград : Издательство КГУ, 2003. — С. 29–34.
- Буренин В. П. Голос патриота // Былое. Стихотворения 1861–1877. — СПб. : Типография Суворина, 1897. — С. 215–216.
- В БФУ им. И. Канта завершился третий научный семинар по критическому мышлению / Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. — 2022. — URL: <https://kantiana.ru/news/v-bfu-im-i-kanta-zavershilsya-treti-y-nauchnyu-seminar-po-kriticheskomu-myshleniyu/> (дата обр. 15 мая 2022).
- Ванишенкин К. Я. «Уже знакомы с Гегелем и Кантом» // Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. — М. : Художественная литература, 1984. — С. 107.
- Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 1. Наука логики / под ред. Е. П. Ситковского ; пер. с нем. Б. Г. Столпнера. — М. : Мысль, 1974.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. Б. Г. Столпнер, М. И. Левиной. — М. : Мысль, 1990.

- Грифицова И. Н., Сорина Г. В.* Критическое мышление против псевдонауки // Человек. — 2022. — Т. 33, № 1. — С. 7—30.
- Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. — М. : Мысль, 1986.
- Дьюи Д.* Педагогика и психология мышления / под ред. Н. Д. Виноградова ; пер. с англ. Н. М. Никольской. — Мир : М., 1915.
- Зилоти А. И.* Мои воспоминания о Ф. Листе. — СПб. : Тип. С. Л. Кинда, 1911.
- Зилоти А. И.* Мои воспоминания о Ф. Листе // Воспоминания и письма. — Л. : Государственное музыкальное издательство, 1963. — С. 43—73.
- Кант И.* Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики / пер. с нем. Б. А. Фохта // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 2 / под ред. А. В. Гулыги. — М. : Чоро, 1994а. — С. 203—266.
- Кант И.* Логика / пер. с нем. И. К. Маркова, В. А. Жучкова // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 8 / под ред. А. В. Гулыги. — М. : Чоро, 1994b. — С. 266—398.
- Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое просвещение? / пер. с нем. Ц. Г. Арзаканьяна, Т. Б. Длугач // Сочинения на русском и немецком языках. В 5 т. Т. 1 / под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. — М. : Ками, 1994с. — С. 125—147.
- Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике / пер. с нем. В. С. Соловьева, Б. А. Фохта, М. М. Беляева // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 4 / под ред. А. В. Гулыги. — М. : Чоро, 1994d. — С. 5—152.
- Кант И.* Уведомление о расписании лекций на зимнее полугодие 1765/66 г. / пер. с нем. Б. А. Фохта // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 2 / под ред. А. В. Гулыги. — М. : Чоро, 1994е. — С. 191—202.
- Кант И.* Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*) / под ред. В. А. Жучкова ; пер. с нем. В. В. Васильева, В. А. Жучкова, С. А. Чернова. — М. : Наука, 2000.
- Кант И.* Критика способности суждения / пер. с нем. Н. В. Мотрошиловой, Т. Б. Длугач // Сочинения на русском и немецком языках. В 5 т. Т. 4 / под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. — М. : Наука, 2001. — С. 69—833.
- Кант И.* Критика чистого разума. Т. 2.1—2.2 / под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга ; пер. с нем. Н. О. Лосского, М. И. Иткина, Ц. Г. Арзаканьяна, Н. В. Мотрошиловой. — М. : Наука, 2006.
- Кант И.* Венская логика / под ред. А. Н. Круглова ; пер. с нем. А. М. Харитоновой, Л. Э. Крыштоп. — М. : Канон+, 2022.
- Круглов А. Н.* Несовершеннолетие и задача истинного преобразования образа мышления. Часть I // Кантовский сборник. — 2014. — Т. 49, № 3. — С. 19—39.
- Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение : пер. с нем. // Собрание сочинений. В 50 т. Т. 1 : пер. с нем. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. — С. 219—368.
- Мильштейн Я. И.* Ф. Лист. Т. 1. — М. : Государственное музыкальное издательство, 1956.

- Никанор, архиепископ Херсонский.* Позитивная философия и сверхчувственное бытие. Т. 3 : Критика на критику чистого разума Канта. — СПб. : Тип. Елеонского, 1888.
- Первый научный семинар-дискуссия «Критическое мышление как предмет критики в истории русской и европейской мысли» / Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. — 2021. — URL: <http://special.kantiana.ru/critical-thinking-ikbfu-1> (дата обр. 15 мая 2022).
- Подготовка к 300-летию Иммануила Канта : В БФУ стартовал второй научный семинар по Критическому мышлению / BezFormata. — 2021. — URL: <http://special.kantiana.ru/critical-thinking-ikbfu-1> (дата обр. 15 мая 2022).
- Соловьев В. С.* Теоретическая философия // Собрание сочинений. В 2 т. Т. 2. — М. : Мысль, 1988. — С. 757–831.
- Тургенев И. С.* Новь // Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 9. — М. : Наука, 1982. — С. 133–389.
- Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера / под ред. В. М. Богуславского. — М. : Наука, 1994.
- Хунске Н.* Значение проблемы метода в мышлении Канта. О связи догматического, полемического, скептического и критического метода / пер. с нем. А. Н. Круглова // Иммануил Кант : Наследие и проект / под ред. В. С. Степина, Н. В. Мотрошиловой. — М. : Канон+, 2007. — С. 64–77.
- Хоум Г.* Основания критики / под ред. И. С. Нарского ; пер. с англ. З. Е. Александровой. — М. : Искусство, 1977.
- Baumgarten A. G.* Metaphysica. — Halle : Hemmerde, 1757.
- Brandt R.* Die Bestimmung des Menschen bei Kant. — Hamburg : Felix Meiner Verlag, 2007.
- Browne M. N., Keeley S. M.* Asking the Right Questions. A Guide to Critical Thinking. — Upper Saddle River : Pearson, Prentice Hall, 2007.
- Clericus J.* Ars critica in qua ad studia Linguarum Latinae, Graecae, & Hebraicae via munitur; Veterumque emendandorum, Spuriorum Scriptorum Genuinis dignoscendorum, & judicandi de eorum Libris ratio traditur. Т. 1. — Amsterdam : Gallet, 1697.
- Correspondance de Liszt et de la Comtesse d'Agoult. Т. 2 / sous la dir. de M. D. Ollivier. — Paris : Grasset, 1934.
- Cottrell S.* Critical Thinking Skills. Developing Effective Analysis and Argument. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005.
- Dewey J.* How We Think. — Boston : D. C. Heath & Company, 1910.
- Dewey J.* German Philosophy and Politics. — New York : H. Holt, 1915.
- Dewey J.* German Philosophy and Politics. — New York : Putnam, 1942.
- Dewey J.* An Analysis of Reflective Thought // The Middle Works. Vol. 13 / ed. by J. A. Boydston. — Carbondale : Southern Illinois UP, 1983. — P. 61–71.
- Fetis F.-J. M. M.* Thalberg et Liszt // Revue et gazette musicale de Paris. — 1837. — Т. IV, n° 17. — P. 142.

- Fetis F.-J.* Études d'exécution transcendante pour le piano, par F. Liszt // Revue et gazette musicale de Paris. — 1841. — Т. VIII, n° 32. — P. 261-264.
- Genovesi A.* Elementorum artis logico-criticae libri v. — Venetiis : Apud Thomam Bettinelli, 1759.
- Gottsched J. C.* Versuch einer Critischen Dichtkunst. — Leipzig : Breitkopf, 1751.
- Gottsched J. C.* Handlexikon oder Kurzgefaßtes Wörterbuch der schönen Wissenschaften und freyen Künste. — Leipzig : Fritsch, 1760.
- Halpern D. F.* Thought & Knowledge : An Introduction to Critical Thinking. — Mahwah (NJ) : Erlbaum, 2003.
- Hegel G. W. F.* Werke. In 20 Bde. Bd. 7. Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse. Mit Hegels eigenhändigen Notizen und den mündlichen Zusätzen / hrsg. von E. Moldenhauer, K. M. Michel. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1986. — auf der Grundlage der Werke von 1832-1845.
- Hegel G. W. F.* Werke. In 20 Bde. Bd. 8. Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Tl. 1 : Die Wissenschaft der Logik / hrsg. von E. Moldenhauer, K. M. Michel. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1989. — auf der Grundlage der Werke von 1832-1845.
- Hitchcock D.* Critical Thinking / The Stanford Encyclopedia of Philosophy ; ed. by E. N. Zalta. — 2022. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/critical-thinking/> (visited on Sept. 25, 2022).
- Jaumann H.* Critica. Untersuchungen zur Geschichte der Literaturkritik zwischen Quintilian und Thomasius. — Leiden : Brill, 1995.
- Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. — Riga : Hartknoch, 1781.
- Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. — Riga : Hartknoch, 1787.
- Kant I.* Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können // Kant's Gesammelte Schriften. Bd. 4 / hrsg. von Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — Berlin : Walter de Gruyter, 1911. — S. 253-384.
- Kant I.* Nachricht von der Einrichtung seiner Vorlesungen in dem Winterhalbjahre von 1765-1766 // Kant's Gesammelte Schriften. Bd. 2 / hrsg. von Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — Berlin : Georg Reimer, 1912. — S. 303-314.
- Kant I.* Kritik der Urteilskraft // Kant's Gesammelte Schriften. Bd. 5 / hrsg. von Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — Berlin : Georg Reimer, 1913. — S. 165-486.
- Kant I.* Beantwortung der Frage : Was ist Aufklärung? // Kant's Gesammelte Schriften. Bd. 8 / hrsg. von Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — Berlin : Walter de Gruyter, 1923a. — S. 33-42.
- Kant I.* Logik // Kant's Gesammelte Schriften. Bd. 9 / hrsg. von Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — Berlin : De Gruyter, 1923b. — S. 1-150.
- Kant I.* Refl. 1579 // Kant's Gesammelte Schriften. Bd. 16 / hrsg. von Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — Berlin : De Gruyter, 1924. — S. 18.

- Kant I.* Refl. 4455 // Kant's Gesammelte Schriften. Bd. 17 / hrsg. von Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — Berlin : De Gruyter, 1926. — S. 558.
- Kant I.* Refl. 4957 // Kant's Gesammelte Schriften. Bd. 18 / hrsg. von Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — Berlin : De Gruyter, 1928a. — S. 41.
- Kant I.* Refl. 5112 // Kant's Gesammelte Schriften. Bd. 18 / hrsg. von Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — Berlin : De Gruyter, 1928b. — S. 93.
- Kant I.* Refl. 5645 // Kant's Gesammelte Schriften. Bd. 18 / hrsg. von Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — Berlin : De Gruyter, 1928c. — S. 293.
- Kant I.* Bemerkungen zu den Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen // Kant's Gesammelte Schriften. Bd. 20 / hrsg. von Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — Berlin : Walter de Gruyter, 1942. — S. 1–192.
- Kant I.* Metaphysik Mrongovius // Kant's Gesammelte Schriften. Bd. 29 / hrsg. von Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — Berlin : De Gruyter, 1980. — S. 743–920.
- Kant I.* Logik Hechsel // Logik-Vorlesung. Unveröffentlichte Nachschriften. Bd. 2 / hrsg. von T. Pinder. — Hamburg : Felix Meiner, 1998. — S. 269–500.
- Krug W. T.* Allgemeines Handwörterbuch der philosophischen Wissenschaften, nebst ihrer Literatur und Geschichte. Bd. 2. — Leipzig : Brockhaus, 1827.
- Liszt F.* Gesammelte Schriften. Bd. 2 / hrsg. von L. Ramann. — Leipzig : Breitkopf und Härtel, 1881.
- Marx K.* Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie. Einleitung // Werke. Bd. 1 / K. Marx, F. Engels. — Berlin : Dietz Verlag, 1976. — S. 378–391.
- Meier G. F.* Abbildung eines Kunstrichters. — Halle : Hemmerde, 1745.
- Meier G. F.* Auszug aus der Vernunftlehre. — Halle : Gebauer, 1752.
- Monteiro I.* Philosophia libera seu eclecticica rationalis, et mechanica sensuum ad studiosae iuventutis institutionem accommodata. T. 1. Logica seu ars critica rationis dirigendae. — Venetiis : Typis Antonii Zatta, 1768.
- Osterrieder H.* Logica critica sive ars universae sapientiae studium rite instituendi ex probatissimis veteris ac moderni oevi scriptoribus concinnata, atque in tres partes theoreticam, practicam ac disputatoriam divisa, usibusque et captui philosophiae aequae theologiae candidatorum. — Augustae Vindelicorum : Rieger, 1760.
- Ruggiero V. R.* Beyond Feelings. A Guide to Critical Thinking. — New York : McGraw-Hill, 2011.
- Scholz O.* „Erscheinet doch endlich, ihr gülden Zeiten! / Da Weisheit und Tugend die Menschen regiert“ : Johann Christoph Gottsched als Aufklärer // Johann Christoph Gottsched (1700–1766) : Philosophie, Poetik und Wissenschaft / hrsg. von E. Achermann. — Berlin : Akademie Verlag, 2014. — S. 27–38.
- Sulzer J. G.* Vorrede // Philosophische Versuche über die menschliche Erkenntniß von David Hume, Ritter. Als dessen Vermischter Schriften zweyter Theil. Nach der zweyten vermehrten Ausgabe aus dem Englischen übersetzt und mit Anmerkungen des Herausgebers begleitet / D. Hume. — Hamburg : Grund, 1755.

- Tonelli G.* Kant's Critique of Pure Reason Within the Tradition of Modern Logic // Akten des 4. Internationalen Kant-Kongresses Mainz 1974. Teil III. Vorträge / ed. by G. Funke. — Berlin : De Gruyter, 1975. — P. 186–191.
- Tonelli G.* “Critique” and Related Terms Prior to Kant : A Historical Survey // Kant-Studien. — 1978. — Vol. 69. — P. 119–148.
- Vaihinger H.* Commentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft zum hundertjährigen Jubiläum derselben. Bd. 1. — Stuttgart : Spemann, 1881.
- Walch J. G.* Entwurf der allgemeinen Gelehrsamkeit und Klugheit zu studiren, Zum Gebrauch eines Academischen Collegii aufgesetzt. — Leipzig : Gleditsch, 1718.
- Walch J. G.* Philosophisches Lexicon, darinnen die in allen Theilen der Philosophie, als Logic, Metaphysic, Physic, Pneumatic, Ethic, natürlichen Theologie und Rechtsgelehrsamkeit, wie auch Politic fürkommenden Materien und Kunst-Wörter erklärt, und aus der Historie erläutert... — Leipzig : Gleditsch, 1726.
- Walton D.* Dialogue Theory for Critical Thinking // Argumentation. — 1989. — Vol. 3. — P. 169–184.

Krouglov, A. N. 2023. “O ponyatii kritiki i o kriticheskom metode u Kanta [On Kant's Concept of Critique and Critical Method]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 7 (2), 225–260.

ALEXEI KROUGLOV

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY, PROFESSOR
HEAD OF DEPARTMENT OF HISTORY OF PHILOSOPHY

RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-1152-1309

ON KANT'S CONCEPT OF CRITIQUE AND CRITICAL METHOD

Submitted: Nov. 24, 2022. **Reviewed:** Mar. 13, 2023. **Accepted:** Apr. 06, 2023.

Abstract: The paper briefly outlines the prehistory of Kant's notion of critique. I identify the most common meanings of critique demonstrated in the works of J. Clericus, J. G. Walch, J. Chr. Gottsched, and J.-F. Marmontel. Comparing these meanings, I briefly characterize the most original features of Kant's notion of critique, which is close to his original works published after 1781. The originality of Kant's mature concept of critique can be specified as follows: it is focused on cognitive faculty, compared with a judicial process, and has no barriers, including the sphere of religion, law, and morality. The concept is connected with demands for freedom of thought and speech and represents its epoch as the age of critique. Along with a general characterization of Kant's critique, I also specify the metaphysical sense of critique. In the metaphysical sense, critique represents a middle way between dogmatism and skepticism. Based on the metaphysical treatment of critique, I define Kant's notion of the critical method, which is aimed at overcoming dogmatism and skepticism by discovering the common fallacies that unite them with each other. I demonstrate the misunderstanding and oblivion of Kantian innovations in developing critique and criticism through the popular treatment of so-called “critical thinking” that has found a definite application in the Russian educational process.

This “critical thinking” type traces back to J. Dewey and almost completely ignores Kant’s achievements.

Keywords: Kant, Critique, Criticism, Critical Method, Skepticism, Dogmatism, Critical Thinking.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-2-225-260.

REFERENCES

- Baumgarten, A. G. 1757. *Metaphysica* [in German]. Halle: Hemmerde.
- Bobrova, A. S. 2017. “Kriticheskoye myshleniye. Problema opredeleniya [Critical Thinking. The Problem of Defining]” [in Russian]. *Ratsio.ru [Ratio.ru]* 18 (1): 26–36.
- Boguslavskiy, V. M., ed. 1994. *Filosofiya v Entsiklopedii Didro i Dalamberta [Philosophy in the Encyclopedia of Diderot and Dalember]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Brandt, R. 2007. *Die Bestimmung des Menschen bei Kant* [in German]. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- Browne, M. N., and S. M. Keeley. 2007. *Asking the Right Questions. A Guide to Critical Thinking*. Upper Saddle River: Pearson / Prentice Hall.
- Bryushinkin, V. N. 2003. “Kriticheskoye myshleniye i argumentatsiya [Critical Thinking and Argumentation]” [in Russian]. In *Kriticheskoye myshleniye, logika, argumentatsiya [Critical Thinking, Logic, Argumentation]*, ed. by V. N. Bryushinkin and V. I. Markin, 29–34. Kaliningrad: Izdatel'stvo KGU.
- Burenin, V. P. 1897. “Golos patriota [The Voice of a Patriot]” [in Russian]. In *Byloye. Stikhotvoreniya 1861–1877 [Bygone. Poems 1861–1877]*, 215–216. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Suvorina.
- Clericus, J. 1697. *Ars critica in qua ad studia Linguarum Latinae, Graecae, & Hebraicae via munitur; Veterumque emendandorum, Spuriorum Scriptorum Genuinis discernendorum, & judicandi de eorum Libris ratio traditur* [in Latin]. Vol. 1. Amsterdam: Gallet.
- Cottrell, S. 2005. *Critical Thinking Skills. Developing Effective Analysis and Argument*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Dewey, J. 1910. *How We Think*. Boston: D. C. Heath & Company.
- . 1915a. *German Philosophy and Politics*. New York: H. Holt.
- . 1915b. *Pedagogika i psikhologiya myshleniya [Pedagogy and Psychology of Thinking]* [in Russian]. Ed. by N. D. Vinogradov. Trans. from the English by N. M. Nikol'skaya. Mir: M.
- . 1942. *German Philosophy and Politics*. New York: Putnam.
- . 1983. “An Analysis of Reflective Thought.” In *The Middle Works*, ed. by J. A. Boydston, 13:61–71. Carbondale: Southern Illinois UP.
- Diogen Laert-skiy [Diogenes Laërtius]. 1986. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitnykh filosofov [Lives and Opinions of Eminent Philosophers]* [in Russian]. Trans. from the Ancient Greek by M. L. Gasparov. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Fetis, F.-J. 1837. “M. M. Thalberg et Liszt” [in French]. *Revue et gazette musicale de Paris* IV (17): 142.
- . 1841. “Études d'exécution transcendante pour le piano, par F. Liszt” [in French]. *Revue et gazette musicale de Paris* VIII (32): 261–264.
- Genovesi, A. 1759. *Elementorum artis logico-criticae libri v* [in Latin]. Venetiis: Apud Thomam Bettinelli.
- Gottsched, J. Chr. 1751. *Versuch einer Critischen Dichtkunst* [in German]. Leipzig: Breitkopf.

- . 1760. *Handlexikon oder Kurzgefaßtes Wörterbuch der schönen Wissenschaften und freyen Künste* [in German]. Leipzig: Fritsch.
- Griftsova, I. N., and G. V. Sorina. 2022. “Kritischeskoye myshleniye protiv psevdonauki [Critical Thinking vs. Pseudoscience]” [in Russian]. *Chelovek* 33 (1): 7–30.
- Halpern, D. F. 2003. *Thought & Knowledge: An Introduction to Critical Thinking*. Mahwah (NJ): Erlbaum.
- Hegel, G. W. F. 1974. *Nauka logiki [Die Wissenschaft der Logik]* [in Russian]. Vol. 1 of *Entsiklopediya filosofskikh nauk [Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse]*, ed. by Ye. P. Sitkovskiy, trans. from the German by B. G. Stolpner. 3 vols. Moskva [Moscow]: Mysl’.
- . 1986. *Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse. Mit Hegels eigenhändigen Notizen und den mündlichen Zusätzen* [in German]. Vol. 7 of *Werke*, ed. by E. Moldenhauer and K. M. Michel. 20 vols. Auf der Grundlage der Werke von 1832–1845. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- . 1989. *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Tl. 1: Die Wissenschaft der Logik* [in German]. Vol. 8 of *Werke*, ed. by E. Moldenhauer and K. M. Michel. 20 vols. Auf der Grundlage der Werke von 1832–1845. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- . 1990. *Filosofiya prava [Grundlinien der Philosophie des Rechts]* [in Russian]. Trans. from the German by B. G. Stolpner and M. I. Levina. Moskva [Moscow]: Mysl’.
- Hinske, N. 2007. “Znacheniiye problemy metoda v myshlenii Kanta. O svyazi dogmaticheskogo, polemicheskogo, skepticheskogo i kriticheskogo metoda” [in Russian]. In *Immanuel Kant [Immanuel Kant] : Naslediyeye i proyekt [Heritage and Project]*, ed. by V. S. Stepin and N. V. Motroshilova, trans. from the German by A. N. Kruglov, 64–77. Moskva [Moscow]: Kanon+.
- Hitchcock, D. 2022. “Critical Thinking.” Ed. by E. N. Zalta. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Accessed Sept. 25, 2022. <https://plato.stanford.edu/entries/critical-thinking/>.
- Home, H. 1977. *Osnovaniya kritiki [Elements of Criticism]* [in Russian]. Ed. by I. S. Narskiy. Trans. from the English by Z. Ye. Aleksandrova. Moskva [Moscow]: Iskusstvo.
- Jaumann, H. 1995. *Critica. Untersuchungen zur Geschichte der Literaturkritik zwischen Quintilian und Thomasius* [in German]. Leiden: Brill.
- Kant, I. 1781. *Kritik der reinen Vernunft* [in German]. Riga: Hartknoch.
- . 1787. *Kritik der reinen Vernunft* [in German]. Riga: Hartknoch.
- . 1911. “Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können” [in German]. In vol. 4 of *Kant's Gesammelte Schriften*, ed. by Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, 253–384. Berlin: Walter de Gruyter.
- . 1912. “Nachricht von der Einrichtung seiner Vorlesungen in dem Winterhalbjahre von 1765–1766” [in German]. In vol. 2 of *Kant's Gesammelte Schriften*, ed. by Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, 303–314. Berlin: Georg Reimer.
- . 1913. “Kritik der Urteilskraft” [in German]. In vol. 5 of *Kant's Gesammelte Schriften*, ed. by Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, 165–486. Berlin: Georg Reimer.
- . 1923a. “Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?” [in German]. In vol. 8 of *Kant's Gesammelte Schriften*, ed. by Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, 33–42. Berlin: Walter de Gruyter.
- . 1923b. “Logik” [in German]. In vol. 9 of *Kant's Gesammelte Schriften*, ed. by Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, 1–150. Berlin: De Gruyter.

- . 1924. “Ref. 1579” [in German]. In vol. 16 of *Kant's Gesammelte Schriften*, ed. by Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, 18. Berlin: De Gruyter.
- . 1926. “Ref. 4455” [in German]. In vol. 17 of *Kant's Gesammelte Schriften*, ed. by Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, 558. Berlin: De Gruyter.
- . 1928a. [in German]. Vol. 18 of *Kant's Gesammelte Schriften*, ed. by Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin: De Gruyter.
- . 1928b. “Ref. 4957” [in German]. In vol. 18 of *Kant's Gesammelte Schriften*, ed. by Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, 41. Berlin: De Gruyter.
- . 1928c. “Ref. 5112” [in German]. In vol. 18 of *Kant's Gesammelte Schriften*, ed. by Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, 93. Berlin: De Gruyter.
- . 1928d. “Ref. 5645” [in German]. In vol. 18 of *Kant's Gesammelte Schriften*, ed. by Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, 293. Berlin: De Gruyter.
- . 1942. “Bemerkungen zu den Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen” [in German]. In vol. 20 of *Kant's Gesammelte Schriften*, ed. by Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, 1–192. Berlin: Walter de Gruyter.
- . 1980. “Metaphysik Mrongovius” [in German]. In vol. 29 of *Kant's Gesammelte Schriften*, ed. by Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, 743–920. Berlin: De Gruyter.
- . 1994a. “Grezy dukhovidtsa, poyasnennyye grezami metafiziki [Träume eines Geistessehers, erläutert durch Träume der Metaphysik]” [in Russian]. In vol. 2 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. V. Gulyga, trans. from the German by B. A. Fokht, 203–266. 8 vols. Moskva [Moscow]: Choro.
- . 1994b. “Logika [Logik Jäsche]” [in Russian]. In vol. 8 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. V. Gulyga, trans. from the German by I. K. Markov and V. A. Zhuchkov, 266–398. 8 vols. Moskva [Moscow]: Choro.
- . 1994c. “Otvet na vopros: Chto takoye prosveshcheniye? [Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?]” [in Russian]. In *Sochineniya na russkom i nemetskom yazykakh [Essays in Russian and German]*, ed. by N. V. Motroshilova and B. Tushling, trans. from the German by Ts. G. Arzakan'yan and T. B. Dlugach, 1:125–147. Moskva [Moscow]: Kami.
- . 1994d. *Prolegomeny ko vsyakoy budushchey metafizike [Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können]* [in Russian]. In vol. 4 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. V. Gulyga, trans. from the German by V. S. Solov'yev, B. A. Fokht, and M. M. Belyayev, 5–152. 8 vols. Moskva [Moscow]: Choro.
- . 1994e. “Uvedomleniye o raspisanii lektsiy na zimneye polugodiye 1765/66 g. [Nachricht von der Einrichtung seiner Vorlesungen in dem Winterhalbjahre von 1765–1766]” [in Russian]. In vol. 2 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. V. Gulyga, trans. from the German by B. A. Fokht, 191–202. 8 vols. Moskva [Moscow]: Choro.
- . 1998. “Logik Hechsel” [in German]. In *Logik-Vorlesung. Unveröffentlichte Nachschriften*, ed. by T. Pinder, 2:269–500. Hamburg: Felix Meiner.
- . 2000. *Iz rukopisnogo naslediya (materialy k “Kritike chistogo razuma”, Opus postumum) [From the Manuscript Heritage (Materials for the Critique of Pure Reason, Opus postumum)]* [in Russian]. Ed. by V. A. Zhuchkov. Trans. from the German by V. V. Vasil'yev, V. A. Zhuchkov, and S. A. Chernov. Moskva [Moscow]: Nauka.
- . 2001. “Kritika sposobnosti suzhdeniya [Kritik der Urteils kraft]” [in Russian]. In *Sochineniya na russkom i nemetskom yazykakh [Essays in Russian and German]*, ed. by N. V. Motroshilova and B. Tushling, trans. from the German by N. V. Motroshilova and T. B. Dlugach, 4:69–833. Moskva [Moscow]: Nauka.

- . 2006. *Kritika chistogo razuma [Kritik der reinen Vernunft]* [in Russian]. Ed. by N. V. Motroshilova and B. Tushling. Trans. from the German by N. O. Losskiy et al. Vol. 2.1–2.2. Moskva [Moscow]: Nauka.
- . 2022. *Venskaya logika [Wiener Logik]* [in Russian]. Ed. by A. N. Kruglov. Trans. from the German by A. M. Kharitonova and L. E. Kryshstop. Moskva [Moscow]: Kanon+. Krug, W. T. 1827. *Allgemeines Handwörterbuch der philosophischen Wissenschaften, nebst ihrer Literatur und Geschichte* [in German]. Vol. 2. Leipzig: Brockhaus.
- Kruglov, A. N. 2014. “Nesovershennoletiyе i zadacha istinnogo preobrazovaniya obraza myshleniya. Chast' I [Nonage and the Task of True Change in the Mode of Thinking. Part I]” [in Russian]. *Kantovskiy sbornik [Kantovsky sbornik]* 49 (3): 19–39.
- Liszt, F. 1881. *Gesammelte Schriften* [in German]. Ed. by L. Ramann. Vol. 2. Leipzig: Breitkopf und Härtel.
- Marx, K. 1955. “K kritike gegelevskoy filosofii prava. Vvedeniye [Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie. Einleitung]” [in Russian]. In vol. 1 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, by K. Marks and F. Engel's, 219–368. 50 vols. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- . 1976. “Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie. Einleitung” [in German]. In *Werke*, by K. Marx and F. Engels, 1:378–391. Berlin: Dietz Verlag.
- Meier, G. F. 1745. *Abbildung eines Kunstrichters* [in German]. Halle: Hemmerde.
- . 1752. *Auszug aus der Vernunftlehre* [in German]. Halle: Gebauer.
- Mil'shteyn, Ya. I. 1956. *F. List [F. Liszt]* [in Russian]. Vol. 1. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye muzykal'noye izdatel'stvo.
- Monteiro, I. 1768. *Philosophia libera seu eclectica rationalis, et mechanica sensuum ad studiosae iuventutis institutionem accommodata. T. 1. Logica seu ars critica rationis dirigendae* [in Latin]. Venetiis: Typis Antonii Zatta.
- Nikanor, arkhieypiskop Khersonskiy. 1888. *Pozitivnaya filosofiya i sverkhchuvstvennoye bytiye. T. 3 [Positive Philosophy and Supersensible Being. Vol. 3]: Kritika na kritiku chistogo razuma Kanta [A Critique of Kant's Critique of Pure Reason A Critique of Kant's Critique of Pure Reason]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tip. Yeleonskogo.
- Ollivier, M. D., ed. 1934. *Correspondance de Liszt et de la Comtesse d'Agoult* [in French]. Vol. 2. Paris: Grasset.
- Osterrieder, H. 1760. *Logica critica sive ars universae sapientiae studium rite instituendi ex probatissimis veteris ac moderni oevi scriptoribus concinnata, atque in tres partes theoreticam, practicam ac disputatoriam divisa, usibusque et captui philosophiae aequae theologiae candidatorum* [in Latin]. Augustae Vindelicorum: Rieger.
- “Pervyy nauchnyy seminar-diskussiya ‘Kriticheskoye myshleniye kak predmet kritiki v istorii russkoy i yevropeyskoy mysli’ [First Seminar-discussion ‘Critical Thinking as a Subject of Criticism in the History of Russian and European Thought’]” [in Russian]. 2021. Baltiyskiy federal'nyy universitet imeni Immanuila Kanta. Accessed May 15, 2022. <http://special.kantiana.ru/critical-thinking-ikbfu-1>.
- “Podgotovka k 300-letiyu Immanuila Kanta [Preparing for Immanuel Kant's 300th Anniversary]: V BFU startoval vtoroy nauchnyy seminar po Kriticheskomu myshleniyu [Second Academic Seminar on Critical Thinking Launched at BFU]” [in Russian]. 2021. BezFormata. Accessed May 15, 2022. <http://special.kantiana.ru/critical-thinking-ikbfu-1>.
- Ruggiero, V. R. 2011. *Beyond Feelings. A Guide to Critical Thinking*. New York: McGraw-Hill.
- Scholz, O. 2014. “‘Erscheinet doch endlich, ihr gülden Zeiten! / Da Weisheit und Tugend die Menschen regiert’: Johann Christoph Gottsched als Aufklärer” [in German]. In *Jo-*

- hann Christoph Gottsched (1700–1766) : Philosophie, Poetik und Wissenschaft*, ed. by E. Achermann, 27–38. Berlin: Akademie Verlag.
- Tolov'yev, V.S. 1988. "Teoreticheskaya filosofiya [Theoretical Philosophy]" [in Russian]. In vol. 2 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 757–831. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Tulzer, J. G. 1755. "Vorrede" [in German]. In *Philosophische Versuche über die menschliche Erkenntniß von David Hume, Ritter. Als dessen Vermischter Schriften zweyter Theil. Nach der zweyten vermehrten Ausgabe aus dem Englischen übersetzt und mit Anmerkungen des Herausgebers begleitet*, by D. Hume. Hamburg: Grund.
- Tonelli, G. 1975. "Kant's Critique of Pure Reason Within the Tradition of Modern Logic." In *Akten des 4. Internationalen Kant-Kongresses Mainz 1974. Teil III. Vorträge*, ed. by G. Funke, 186–191. Berlin: De Gruyter.
- . 1978. "'Critique' and Related Terms Prior to Kant: A Historical Survey." *Kant-Studien* 69:119–148.
- Turgenev, I.S. 1982. "Nov' [Virgin Soil]" [in Russian]. In vol. 9 of *Polnoye sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 133–389. 30 vols. Moskva [Moscow]: Nauka.
- "V BFU im. I. Kanta zavershilsya tretiy nauchnyy seminar po kriticheskomu myshleniyu [Third Academic Seminar on Critical Thinking Completed at I. Kant Baltic Federal University]" [in Russian]. 2022. Baltiyskiy federal'nyy universitet imeni Immanuila Kanta. Accessed May 15, 2022. <https://kantiana.ru/news/v-bfu-im-i-kanta-zavershilsya-tretiy-nauchnyy-seminar-po-kriticheskomu-myshleniyu/>.
- Vaihinger, H. 1881. *Commentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft zum hundertjährigen Jubiläum derselben* [in German]. Vol. 1. Stuttgart: Spemann.
- Vanshenkin, K. Ya. 1984. "'Uzhe znakomy s Gegelem i Kantom' ['Already Familiar with Hegel and Kant!]" [in Russian]. In vol. 2 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 107. 3 vols. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Walch, J. G. 1718. *Entwurf der allgemeinen Gelehrsamkeit und Klugheit zu studiren, Zum Gebrauch eines Academischen Collegii aufgesetzt* [in German]. Leipzig: Gleditsch.
- . 1726. *Philosophisches Lexicon, darinnen die in allen Theilen der Philosophie, als Logic, Metaphysic, Physic, Pneumatic, Ethic, natürlichen Theologie und Rechtsgelehrsamkeit, wie auch Politic fürkommenden Materien und Kunst-Wörter erkläret, und aus der Historie erläutert...* [in German]. Leipzig: Gleditsch.
- Walton, D. 1989. "Dialogue Theory for Critical Thinking." *Argumentation* 3:169–184.
- Ziloti, A.I. 1911. *Moi vospominaniya o F. Liste [My Memoirs of F. Liszt]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tip. S. L. Kinda.
- . 1963. "Moi vospominaniya o F. Liste [My Memoirs of F. Liszt]" [in Russian]. In *Vospominaniya i pis'ma [Memories and Letters]*, 43–73. Leningrad: Gosudarstvennoye muzykal'noye izdatel'stvo.